

Энергетический потенциал Туркменистана

Предмет конфликта интересов мировых держав

Евгения Войко

Страны Центральной Азии постепенно выходят из относительной изоляции, характерной для периода 90-х годов XX в., и все активнее включаются в мировую политику.

Для России Центральная Азия важна по двум ключевым взаимодополняющим причинам (в действительности российский интерес в регионе гораздо шире):

Первая – ресурсоемкость данного региона. Здесь ставка делается преимущественно на Туркменистан, Казахстан и Узбекистан как наиболее богатые углеводородами государства. Энергоресурсы Центральной Азии нужны России для подстраховки на случай нехватки собственных запасов при обеспечении Европы ценным топливом. Кроме того, монопольное присутствие России в этом регионе минимизирует вероятность “экспансии” со стороны стран Запада и Китая.

Вторая причина – особое военно-стратегическое положение государств региона. Близость к Афганистану и Ирану (по каспийской границе) вынуждают Москву кооперироваться с республиками Центральной Азии для достижения взаимовыгодного интереса.

Одной из серьезнейших угроз для правительств азиатских республик является рост активности радикальных исламистов как внутри самих республик, так и за их пределами (преимущественно в Афганистане). Россия, обладая гораздо более развитой военной инфраструктурой и совершенными видами оружия, ориентирована на поддержание именно светских, умеренно пророссийских режимов Г.Бердымухаммедова, Н.Назарбаева и И.Каримова. Этот фактор пока что удерживает все три республики в зоне относительного влияния Российской Федерации. В свою очередь, для России стабильность вышеназванных режимов – гарантия, пусть и краткосрочная, безопасности ее собственных границ, а также сохранения интересов российских компаний в этом регионе.

ВОЙКО Евгения Викторовна – аспирант Финансовой академии при Правительстве РФ.

Ключевые слова: Туркменистан, Россия, энергетические ресурсы, газ, Европа, Центральная Азия, безопасность.

Находясь в центре Евразии, регион на Севере и Востоке граничит с двумя мировыми державами (Россия, Китай), способными противодействовать политике Соединенных Штатов, направленной на сохранение своих доминирующих позиций в мире и нейтрализацию конкурентов. Нежелание идти в фарватере политики США заставляет Россию и Китай задумываться о своей национальной безопасности, а с другой стороны, побуждает Соединенные Штаты наращивать свое военное присутствие в регионах, имеющих географическую близость с Россией и Китаем. В данном случае центральноазиатский регион представляется для США весьма удобным “плацдармом”.

Другой немаловажный фактор, который хотелось бы отметить – трудовая миграция.

Россия за последние десятилетие предоставила не только рабочие места, но и жилье многим выходцам из Центральной Азии, для которых заработки у “северного соседа” – едва ли не единственный источник доходов. Особенно это касается жителей аграрных провинций этих стран. И, как бы цинично это ни звучало, Москва использует фактор трудовой миграции как инструмент выстраивания взаимоотношений со своими центральноазиатскими соседями.

Политическая обстановка в Центральной Азии создает благоприятные предпосылки для активизации крупных мировых игроков в деле освоения энергетического потенциала региона.

Наиболее привлекательным в этом смысле представляется Туркменистан, на чью энергетическую политику оказывают влияние несколько факторов:

Во-первых, в республике сосредоточены самые большие запасы природного газа по сравнению с газоносными провинциями Казахстана и Узбекиста-

на¹. Туркменистан – второй по объемам после России поставщик “голубого топлива” в Европу².

Во-вторых, неопределенность внешнеполитического вектора Ашхабада сразу после смерти С.Ниязова (2006 г.) создала предпосылки для попыток великих держав (России, Соединенных Штатов и Китая) взять республику под свой “протекторат”, а, следовательно, обеспечить контроль и над ее природными ресурсами. Формально нынешний президент Г.Бердымухаммедов провозгласил приверженность прежнему курсу Туркменбаши, что на первых порах воспринималось как положительный для России факт. Но, как оказалось на деле, эта приверженность весьма формальна.

Показательным в этом смысле стало заявление Г.Бердымухаммедова, обозначившего внешнеполитические ориентиры своего правительства, главной целью которых стала интенсификация сотрудничества с Россией, в том числе акцент на развитии “нетопливных” экономических контактов с ней³.

Подобное заявление, казалось бы, можно расценивать как шаг к укреплению двусторонних связей Ашхабада и Москвы и выбор новым туркменским руководством российского направления в качестве приоритетного.

Вместе с тем Туркменистан все активнее сближается и с другими мировыми претендентами на республиканское “голубое топливо”.

После смены правящих туркменских элит приоритетом внешней политики Ашхабада является ориентация сразу на несколько конкурирующих между собой игроков – преимущественно на Россию, США и Китай. Больше всего шансов наладить и интенсивно развивать партнерские отношения с Ашхабадом есть у Пекина, поскольку оптимизация данного направ-

ления позволила бы Туркменистану расширить экспортную базу и тем самым снизить существующую зависимость от России как главного покупателя⁴.

Кроме того, значительно повысить экспортные возможности Туркменистана могли бы поставки газа в Евро-союз, провозгласившего курс на диверсификацию источников энергоресурсов и снижение энергозависимости от Москвы.

Этот сценарий может привести к потере монополии “Газпрома” на транзит “голубого топлива” в Европу и, соответственно, кардинальным образом повлиять на политику Российской Федерации не только в Центральной Азии, но и на рынке ТЭК всего евроазиатского пространства.

Многовекторная политика Туркменистана обуславливает рост опасений России, связанных с трудностями, которые могут возникнуть у российского руководства в случае отсутствия у него привлекательных для Ашхабада контрактов.

В частности, в 2009 г. Г.Бердымухаммедов подписал меморандум о сотрудничестве с еврокомиссаром по энергетике Андрисом Пиебалгсом, а в Азербайджане обсуждал с руководством республики, в том числе и Транскаспийский газопровод (западный аналог российскому Прикаспийскому трубопроводу).

Однако в целом это не означает, что в отношениях Москвы и Ашхабада наметилось долгосрочное похолодание. Действия Г.Бердымухаммедова в целом соответствуют многовекторному курсу туркменского руководства, выраженному в поиске “удобных” контрактов, среди которых значатся как Россия, так и альтернативные партнеры для обретения финансовых преференций.

В 2009 г. Туркменистан послал России и Евросоюзу два противоположных по смыслу сигнала, свидетельствующих о стойком намерении руководства республики и далее придерживаться избранной тактики на многовекторность. Первый сигнал (апрель 2009 г.) представлял собой обвинения с туркменской стороны в адрес российского руководства в намеренном искажении информации об аварии на газопроводе “Средняя Азия – Центр”, приведшей к незапланированной приостановке подачи туркменского газа в Россию. Туркменская сторона заявила, что причиной указанной аварии стало одностороннее грубое нарушение российской компанией “Газпромэкспорт” норм и правил закупки природного газа.

Разрешению проблемы на приемлемых условиях не способствовали и взаимные туркмено-российские визиты Д.Медведева и Г.Бердымухаммедова соответственно, во время которых вопросы, касающиеся приостановки поставок газа из Туркменистана в Россию, в официальных заявлениях не поднимались. Вместе с тем туркменский лидер заявлял, что возобновление переговоров о поставках газа из Туркменистана в Россию связано с завершением проверки газопроводных магистралей центральноазиатской республики, через которые “голубое топливо” поставляется в Российскую Федерацию.

В условиях мировой финансово-экономической неопределенности Ашхабад избегает совершать резкие шаги, которые можно было бы трактовать как пророссийские. На углеводородном рынке для поставщиков из Центральной Азии складывается неблагоприятная конъюнктура, обусловленная всеобщим снижением промышленного производства в странах-потребителях и, как следствие, потребностей в прежних объемах энергоносителей. На этом фоне Туркменистан еще активнее

торгуется за привлекательные контракты, каковые Россия в силу тех же финансовых проблем предложить пока не может (или не хочет).

В свою очередь, для руководства Европейского союза развитие энергетических отношений с Туркменистаном является принципиальной позицией, закреплённой документально: проект *Nabucco* в 2008 г. включен в список приоритетных проектов в области энергетической инфраструктуры ЕС. Понимание этого факта, а также вероятности лишения весьма важного партнера в лице России в случае однозначного разворота в сторону Европы вынуждает Ашхабад играть на противоречиях ведущих претендентов на республиканское “голубое топливо”. По этому вопросу Г.Бердымухаммедов занимает выжидательную позицию, которая обусловлена, в том числе, оптимистичными прогнозами о предстоящем выходе стран-покупателей из финансового кризиса.

Контрсигнал, свидетельствующий в пользу положения о многовекторном характере энергетической политики Туркменистана и одновременно о неопределённой позиции Ашхабада в отношении альтернативных трубопроводов – отказ совместно с Казахстаном, Узбекистаном и Ираком подписывать в мае 2008 г. на саммите “Новый шелковый путь – Южный коридор” в Праге декларацию о строительстве газопровода *Nabucco*. Отказ документировать согласие на присоединение к данной энергетической инициативе Евросоюза демонстрирует стремление Ашхабада гарантировать для себя абсолютную эффективность проекта.

На центральноазиатском направлении нельзя забывать и о российских конкурентах с Востока. Прежде всего повышенный интерес к энер-

гетическим ресурсам Туркменистана проявляет КНР.

Претензии Пекина на статус мировой державы заставляют его искать перспективные регионы для наращивания своего присутствия, где можно было бы составить конкуренцию Москве и Вашингтону. Между Ашхабадом и Пекином заключено соглашение о строительстве газопровода “Туркменистан – Китай”, призванный стать важным фактором укрепления энергетической самостоятельности Туркменистана в регионе.

Экспортный потенциал Туркменистана привлекает руководство Исламской Республики Иран. В декабре 2009 г. намечено сдать в эксплуатацию вторую ветку газопровода Туркменистан – Иран. Для Туркменистана переориентирование значительной части поставок газа на Иран – вынужденный шаг, обусловленный снижением закупок со стороны России.

В этих условиях российский бизнес в Центральной Азии испытывает серьёзные геополитические вызовы. Внешнеполитическая неопределённость и демонстрация туркменским руководством лояльности Москве заставляют США агитировать за продвижение проектов, в той или иной степени способных негативно повлиять на бизнес-интересы Москвы.

В 1998 г. Турция и Туркменистан заключили межправительственное “Соглашение об исполнении проекта Транскаспийского газопровода Туркменистан – Турция – Европа”.

ТЭО проекта было выполнено американской компанией “*Enron*”. По представленным американскими специалистами расчетам, данный трубопровод должен был стать наиболее реальным вариантом выхода туркменского природного газа на рынки Турции и Европы.

Именно Соединённые Штаты изначально лоббировали Транскаспийский

газопровод и выделили Туркменистану на эти цели 750 тыс. долл. Газопровод предполагалось построить за короткий срок – 28 месяцев.

Его протяженность от восточных месторождений Туркменистана (в частности от месторождения “Шатлык”) до турецкого г. Эрзурум должна была составить около 2000 км, а мощность – 30–32 млрд. кубических метров природного газа в год.

Сметная стоимость предполагалась в 3 млрд. долл.

Через Каспийское море предполагалось проложить сразу две нитки газопроводов⁵.

При том, что любой альтернативный газовый проект в Центральной Азии может оказаться потенциально враждебным РФ на рынке транзита газа, Транскаспийский газопровод пока не в состоянии составить достойную конкуренцию российским поставкам.

При этом, Москва занята в “прямом” двустороннем проекте Северо-Европейского газопровода, призванного обеспечить ЕС, в первую очередь ФРГ, прямыми поставками углеводородов, минуя транзитные государства с нестабильным внешнеполитическим курсом. В то же время Транскаспийский газовый консорциум (ТГК) должен будет поставлять газ по территории восьми стран (Туркменистан – Азербайджан – Грузия – Турция – Болгария – Румыния – Чехия – Австрия – ФРГ), что существенно повлияет на его рентабельность и цену для европейских потребителей и, соответственно, снизит конкурентоспособность⁵.

Транспортные маршруты с участием России являются наиболее развитыми из-за существовавшего ранее

совместного государства, включавшего Россию и центральноазиатские республики. С получением независимости у стран региона возникла потребность в диверсификации своих международных контактов, что в свою очередь требует наличия транспортных маршрутов, причем разнообразных, чтобы избежать односторонней зависимости от страны-транзитера, в данном случае России.

Между тем такая диверсификация рисков вынуждает российское руководство укреплять свои геополитические позиции в Центральной Азии в соответствии с планом, в который, в частности, входит налаживание военного сотрудничества России со странами данного региона. Внешне этот процесс выглядит ненавязчивым, поскольку центральноазиатские государства, обладающие существенным энергетическим и транзитным потенциалом, сами заинтересованы в обретении имиджа самостоятельности. Для этого им необходим военный антураж, который способна обеспечить Россия.

В 2008 г. Туркменистан и Россия заключили сделку о купле-продаже шести реактивных систем залпового огня “Смерч”. Сделка с Туркменистаном по ценам ниже рыночных – в определенном смысле “широкий жест” со стороны России в расчете на гарантии выполнения обязательств по Прикаспийскому газопроводу, а также на сохранение нынешних объемов поставок туркменского газа. Для России центральноазиатский газ необходим на случай нехватки собственных запасов, поэтому Москва вынуждена форсировать “газовую” дипломатию.

Таким образом, энергетический потенциал Туркменистана, даже в условиях мирового финансового кризиса и снижения потребностей ведущих промышленных держав в прежних объемах энергоресурсов, остается важным предметом латентного межгосударственного конфликта.

Во-первых, оптимистичные прогнозы экономистов относительно улучшения состояния мировой экономики побуждают развитые страны поддерживать проекты поставок газа из Туркменистана в обход России.

Для США это вопрос не столько экономической, сколько политической выгоды, поскольку снижение присутствия России на энергетическом рынке Европы могло бы в некоторой степени восстановить пошатнувшуюся прочность трансатлантического союза.

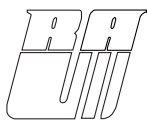
Для руководства Европейского союза лоббирование энергетических проектов в Туркменистане направлено, прежде всего, на снижение напряженности в европейском обществе, возникающее после ставших регулярными российско-украинских газовых конфликтов.

Во-вторых, многовекторная политика Туркменистана, несмотря на повышенный интерес со стороны стран Запада, ограничена объективными обстоятельствами, а именно отсутствием практического наполнения американско-европейских энергетических проектов и существованием такового с Россией.

Постоянная потребность в экспорте “голубого топлива” для пополнения государственного бюджета вынуждает Туркменистан поддерживать тесные связи именно с российским руководством. В то же время Туркменистан можно считать в значительной степени блокирующим фактором для строительства “обходного” трубопровода: двусмысленная позиция Ашхабада ограничивает руководство Европейского союза в принятии дальнейших решений по своим энергетическим проектам в Центральной Азии.

Примечания

- ¹ Нефтегазовый потенциал Туркменистана – в центре внимания деловой элиты мира//<http://www.turkmenistan.gov.htm>. 17.04.2008.
- ² BP Annual Report and Accounts. 2008.
- ³ Соглашение: труба на троих // Независимая газета. 14.05.2007.
- ⁴ Трещины в трубе: Украина и Туркменистан пытаются добиться газовой независимости от России // Эксперт-Казахстан. 27.04.2009.
- ⁵ Газопроводы: состояние и перспективы // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 20.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru